

С О Н А С К О Ф И Л Д

БЫВШИЕ.
РАЗВОД БЫЛ
ПОДСТРОЕН

Сона Скофилд

Бывшие. Развод был подстроен

<https://litres.ru/74199607>

SelfPub; 2026

Аннотация

Год назад анонимный пакет убедил меня, что Артем изменяет. Он получил другой — с доказательствами, будто я собираю материалы против него. Мы развелись, продали квартиру и вычеркнули друг друга из жизни.

Теперь я проверяю расходы его компании и нахожу в курьерском журнале две доставки. Наши пакеты были оплачены одним подрядчиком. Кто-то использовал настоящие документы, ложные подписи и наши семейные тайны, чтобы столкнуть нас именно тогда, когда мы могли раскрыть финансовую схему.

Чтобы добраться до заказчика, нам придется снова работать вместе. Но правда не отменит его ложь, мое молчание и год разлуки. Она даст нам самое опасное — возможность решить, остались ли мы бывшими или заслужили второй шанс.

Содержание

ПРОЛОГ. Последняя подпись	4
ГЛАВА 1. Курьерский журнал	11
ГЛАВА 2. Два пакета	22
ГЛАВА 3. Правила совместной проверки	33
ГЛАВА 4. Женщина на фотографии	43
ГЛАВА 5. Письмо, которое я не показала	53
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Сона Скофилд Бывшие. Развод был подстроен

ПРОЛОГ. Последняя подпись

Сотрудница отдела регистрации дважды попросила нас проверить фамилии, хотя ошибиться там было почти невозможно. В заявлении Артем оставался Савиновым, я снова становилась Корнеевой. Изменение уместилось в двух строчках и требовало больше справок, чем восемь лет нашей совместной жизни.

— Все верно? — спросила женщина.

Я перечитала страницу с начала. Фамилии, даты рождения, адреса. Сведения об общей квартире уже не имели значения: покупатель перевел последнюю часть суммы за три дня до этого, деньги мы разделили поровну. Машину оставили Артему, потому что он чаще ездил на объекты. Я получила разницу на счет. Чашки, книги и зимние шины распределили еще в июле. К официальному дню развода у нас не осталось ни одного предмета, из-за которого стоило бы спорить.

— Верно, — ответила я.

Артем поставил подпись следом. Ручку он держал так же, как всегда: прижимал большим пальцем сильнее, чем требовалось, и немного поворачивал лист против часовой стрелки. Неровный мизинец почти не сгибался. Я знала, где у него болит рука после долгой работы, какие перчатки он покупает для стройплощадки и сколько времени ему нужно утром, чтобы окончательно проснуться. Эти знания не помогли мне понять, зачем муж пять недель лгал о квартире на Васильевском острове.

Сотрудница забрала бумаги, сверила подписи и объяснила, когда можно получить свидетельства. Мы слушали внимательно, хотя все это нам уже рассказывали при подаче заявления. Тогда между нами сидела специалист по семейной медиации и останавливала разговор всякий раз, когда вместо ответа мы начинали перечислять доказательства.

Сегодня посредников не было.

— Готово, — сказала женщина. — Прошу пройти к выходу. Следующая пара.

В коридоре ждали мужчина в серой куртке и женщина с детским рюкзаком на коленях. Они не смотрели друг на друга. Я отвела глаза первой.

На улице было прохладно для конца августа. Я застегнула плащ и проверила время. До встречи с нотариусом оставалось сорок минут. Он должен был выдать мне заверенный экземпляр соглашения о разделе имущества, после чего все практические вопросы можно было считать закрытыми.

— Я подвезу, — сказал Артем.

— Не нужно. Я вызову такси.

Он кивнул, но не ушел. В последние месяцы брака мы разговаривали именно так: коротко, вежливо, без единой фразы, которую другой мог бы использовать против нас. Когда-то я считала сдержанность признаком уважения. Теперь видела в ней удобный способ не сказать главное.

Телефон показал, что машина приедет через девять минут. Я отошла к краю тротуара. Артем встал рядом, оставив между нами достаточно места, чтобы прохожие свободно проходили.

— У меня осталась твоя папка с гарантиями на технику, — сказал он. — Отправить курьером?

— Выброси. Гарантии закончились.

— Хорошо.

Я посмотрела на поток машин. Можно было попрощаться и уйти к перекрестку. Вместо этого я спросила:

— Зачем ты сегодня снова заговорил о своем пакете?

При подаче заявления Артем принес плотный конверт и положил на стол перед медиатором. Сказал, что получил его через неделю после моего. Я отказалась открывать. К тому времени я уже видела фотографии, переписку и платеж за аренду квартиры. Слушать встречное обвинение казалось бессмысленным.

— Потому что он существует, — ответил Артем. — И потому что ты ни разу не спросила, что было внутри.

— Ты тоже не спросил, что прислали мне.

— Я спросил. Ты показала фотографии и потребовала называть женщину.

— А ты сказал, что никогда не бывал в том доме.

— Да.

Он не стал повторять, что не изменял. Эту фразу я слышала много раз. Она всегда соседствовала с отказом объяснить, кто снял квартиру, почему Артем оплачивал аренду и зачем его видели там по вечерам.

— Значит, нам больше нечего обсуждать.

— Есть. Но ты решила, что любое мое объяснение будет еще одной ложью.

— Ты солгал на прямой вопрос.

— Солгал.

Я повернулась к нему. За два месяца отдельной жизни он похудел, и ворот рубашки сидел свободнее. Мне хотелось спросить, ест ли он днем или снова заменяет обед кофе на объекте. Привычная забота никуда не исчезла; она просто стала действием, на которое я больше не имела права.

— Тогда чего ты от меня хочешь?

— Чтобы ты забрала мой пакет и проверила материалы так, как проверяешь рабочие документы.

— Почему сам не проверил?

— Проверил то, что мог. Письмо отправили с адреса, которого уже не существует. В распечатке нет служебных заголовков. Запись обрезана. Выписка похожа на настоящую.

— Похожа?

— Ты действительно передавала документы Миронову?

Я не ожидала, что он назовет фамилию. На медиации Артем говорил только о внешнем консультанте и материалах, способных оставить его без профессии. Я не подтвердила и не опровергла. Константин просил соблюдать конфиденциальность до тех пор, пока мы не поймем, откуда уходят деньги. Кроме того, подписи Артема стояли на актах, связанных с этими платежами.

— Я не буду обсуждать рабочее дело на улице.

— Мы уже не обсуждаем его на работе. Ты уволилась, меня перевели на другой проект, а дело закрыли.

— Это не отменяет обязательств.

— Я знаю.

Он произнес это без насмешки, и от спокойствия стало труднее держаться за злость.

— В пакете было письмо от твоего имени, — продолжил Артем. — Там говорилось, что после проверки ты уедешь в Москву, а меня назовешь человеком, который подписывал ложные акты.

— Я такого письма не писала.

— Но документы передала.

— Потому что увидела платежи, которые никто не мог объяснить.

— И решила не спрашивать меня.

— Ты уже лгал мне о квартире.

— А ты уже собирала материалы на меня.

Разговор вернулся в знакомую точку. Мы приходили к ней дома, в кабинете медиатора, на кухне у моей матери. Каждый располагал фактом, который другой не мог отрицать. Все остальное теряло вес.

Такси повернуло к зданию. Я подняла руку, хотя водитель видел меня по отметке в приложении.

— Оставь пакет себе, — сказала я. — С сегодняшнего дня твои подозрения принадлежат только тебе.

Артем достал из внутреннего кармана сложенный лист. Я не взяла его.

— Это опись вложений. Без самих материалов.

— Мне все равно.

— Лида.

После разъезда он впервые назвал меня так. Не Лидия, как на медиации, и не Корнеева, как в последних рабочих письмах. Всего два слога, которыми когда-то начинались просьбы купить хлеб, посмотреть чертеж, дождаться его с объекта.

Я открыла заднюю дверь такси.

— Мы разведены, Артем.

— Я заметил.

— Тогда перестань искать способ начать тот же спор заново.

Он убрал лист, не пытаясь задержать меня.

— Если когда-нибудь вернешься к этим бумагам, проверь

не только меня. Проверь, откуда их получили.

Я села в машину и назвала водителю адрес нотариуса. Артем остался у входа. В боковом зеркале он быстро уменьшился, когда такси влилось в поток.

До нотариальной конторы мы доехали за двадцать две минуты. Я успела просмотреть рабочую почту, ответить на два сообщения и подтвердить встречу с новым работодателем. К тому моменту, когда мне выдали соглашение, опись Артема стала еще одним документом, который я сознательно не приняла.

В тот день я считала отказ последним правильным решением нашего брака.

ГЛАВА 1. Курьерский журнал

Второго сентября я нашла свой прежний адрес в реестре расходов компании, к которой не имела отношения уже четырнадцать месяцев.

Строка стояла между доставкой оригиналов в банк и отправкой проектной документации в Выборг. Дата — двадцать третье мая прошлого года. Получатель обозначен инициалами: Л. А. С. Адрес: квартира, которую мы с Артемом продали после развода. В графе «Основание» значилось: договор с фирмой корпоративной безопасности, код затрат РР-17.

Я прочитала строку еще раз. Затем проверила соседние даты, номер накладной и сумму. Четыреста восемьдесят рублей. Обычная городская доставка, оплаченная «Северной линией».

Курьер привез мне анонимный пакет вечером двадцать третьего мая.

Я помнила дату без календаря. На следующий день мы собирались ужинать у моей матери, и я до утра просидела на кухне, раскладывая по столу фотографии мужа возле незнакомого дома. В половине третьего Артем написал, что задерживается на объекте. Его сообщение лежало рядом с распечаткой, где он обещал другой женщине приехать после совещания.

Я сняла руки с клавиатуры.

В переговорной работал кондиционер, хотя с утра в Петербурге было четырнадцать градусов. Воздух шел прямо на левое плечо, и я передвинула стул. Это простое действие заняло несколько секунд и вернуло мне способность смотреть на экран как на рабочий источник, а не как на чужое вмешательство в мою жизнь.

Сначала я сохранила параметры выгрузки. Реестр поступил из бухгалтерской системы заказчика в составе архива за два финансовых года. Файл имел контрольную сумму, дату формирования и сопроводительное письмо. Доступ к папке был у пяти человек нашей команды. Любое мое действие фиксировалось.

Я сделала рабочую копию строки, добавила ссылку на исходный файл и отметила ее как потенциально связанную с расходами по договору РР-17. Не написала ни слова о разводе.

Затем нашла вторую отправку.

Двадцать шестое мая. Получатель А. В. С. Адрес офиса «Северной линии». Та же сумма, тот же договор и следующий номер накладной.

Артем говорил, что получил свой пакет через неделю после моего. Три дня не были неделей, но спустя два месяца ссор мы оба округляли даты, если они не подтверждали нашу версию.

Я открыла карточку договора. Исполнитель — ООО «Га-

рант-Контроль», генеральный директор Сергей Олегович Гладков. Предмет договора: проверка утечек конфиденциальной информации и оценка репутационных рисков. Ответственный со стороны «Северной линии» — финансовый директор Павел Аркадьевич Мальцев.

По основному заданию нашей проверки я должна была установить, почему затраты на материалы для жилого комплекса «Речной створ» выросли на двадцать семь процентов, а часть оплаченных работ не подтверждалась исполнительной документацией. Расходы корпоративной безопасности входили в выборку только потому, что банк запросил все договоры с консультантами за спорный период.

Мой развод не входил ни в один перечень.

Я закрыла файл и посмотрела на время. До общего совещания оставалось восемнадцать минут. Можно было позвонить Артему, потребовать пакет и за десять минут превратить проверяемый факт в личный скандал. Год назад я именно так и поступила: сначала вынесла решение, потом задала вопрос.

В этот раз я открыла форму раскрытия конфликта интересов.

В поле причины написала: «В реестре курьерских отправок выявлены два адресата, связанные с руководителем проекта личными отношениями в прошлом. Один адрес принадлежал руководителю проекта, второй, предположительно, ее бывшему супругу, занимающему должность

технического директора проверяемой компании. Требуется оценка независимости и границ дальнейшей работы».

Слово «ее» выглядело безопаснее моего имени. Я исправила формулировку: «принадлежал мне».

Документ ушел Ольге Петровне Деевой, партнеру «Точного баланса» и руководителю практики финансовых исследований. Через минуту в календаре появилось приглашение на встречу в девять сорок пять.

Я вышла из переговорной и прошла к своему столу. В общем зале уже работали почти все. Анна Шульгина, младший специалист моей команды, сводила счета подрядчиков. Рядом с клавиатурой стояла кружка с остывшим чаем и лежали три цветных маркера, которыми она пользовалась даже в электронных таблицах: распечатывала сложные участки и размечала их от руки.

— Лидия Андреевна, я нашла еще два платежа «Монолит-Ресурсу», — сказала она. — В назначении разные услуги, но счет получателя тот же.

— Добавьте в таблицу связанных операций. Пока без вывода.

— Уже. И запросила акты.

— Хорошо. До моего возвращения ничего не отправляйте заказчику.

Анна посмотрела на меня внимательнее.

— Что-то случилось?

— Появился вопрос по независимости проекта. Сначала

обсудим его внутри.

Она кивнула и вернулась к экрану. За три месяца работы Анна научилась не угадывать сенсацию там, где пока существовал только вопрос. Я сама училась этому дольше.

Ольга Петровна ждала меня в маленькой переговорной. Перед ней лежала распечатанная форма, хотя я отправила ее меньше десяти минут назад. Она читала с карандашом в руке и ставила короткие отметки на полях.

— Бывший супруг — Артем Савинов? — спросила она.

— Да. Технический директор «Северной линии».

— Вы сообщили об этом при распределении проекта.

— Сообщила. Но тогда моя прежняя работа и брак не относились к предмету проверки. Сейчас в корпоративном реестре обнаружилась доставка на наш домашний адрес.

— Что доставили?

Я положила перед ней рабочую копию строки.

— По реестру установить нельзя. В этот день я получила анонимный пакет с материалами личного характера. Через три дня похожий пакет получил Савинов.

Ольга Петровна подняла взгляд.

— Насколько похожий?

— Я его не видела.

— Тогда это предположение.

— Да.

Мне понадобилось усилие, чтобы произнести одно короткое слово без дополнений. Год назад Артем предлагал пока-

зять пакет, и я отказалась. Теперь этот отказ становился не только личной ошибкой, но и пробелом в рабочей версии.

— Ваш пакет сохранился? — спросила Ольга Петровна.

— Сохранился. В запечатанной архивной коробке дома.

Я не прикасалась к нему после переезда.

— Запечатанной вами?

— Да. Это не обеспечивает независимую цепочку хранения. Я понимаю.

— Хорошо, что понимаете. Как эти материалы повлияли на вашу работу в «Северной линии»?

— Через десять дней я уволилась. Официальная причина — личные обстоятельства и конфликт интересов из-за брака с техническим директором. Незавершенную проверку платежей передали другому сотруднику.

— А фактическая?

— Я считала, что муж мне изменяет. Одновременно он получил сведения, будто я собираю материалы против него. Мы перестали доверять друг другу. Работать в одной компании стало невозможно.

Ольга Петровна не стала утешать меня или спрашивать подробности. За это я была ей благодарна.

— Почему банк выбрал вас для нынешней проверки?

— Потому что я вела первичную сверку и сохранила перечень вопросов в официальном отчете при увольнении. Банк знал о прежней должности и разводе. Они считают знание проекта преимуществом, если мы поставим независимый

контроль.

— Личные материалы могут подтвердить злоупотребление средствами компании?

— Курьерские расходы уже относятся к договору безопасности. Если корпоративный подрядчик готовил пакеты, то затраты могли скрыть в стоимости проверки утечки. Кроме того, целью могло быть прекращение моей работы над платежами.

— Могло быть, — повторила она. — Что у нас есть сейчас?

Я перечислила:

— Две строки в реестре. Мой адрес. Дата получения моего пакета. Инициалы Савинова и его рабочий адрес. Один договор и последовательные накладные.

— Чего нет?

— Содержимого второй отправки, подтверждения от курьерской службы, связи Гладкова или Мальцева с подготовкой материалов, доказанного влияния на аудит.

— И права использовать личную историю как готовый вывод.

— Да.

Ольга Петровна провела карандашом линию под последним абзацем формы.

— Я не буду отстранять вас сегодня. До конца дня подготовьте служебную записку. Доступ к договору РР-17 сохраняется, но любые запросы по нему согласовываете со мной и

юристом. С личными материалами работает отдельный специалист. В итоговом отчете вы не формулируете этот раздел единолично.

Последнее условие задело сильнее, чем я ожидала. Я руководила проектами шесть лет и привыкла отвечать за формулировку каждого вывода. Однако возражать означало бы доказывать независимость требованием оставить меня без контроля.

— Согласна.

— Савинов знает о реестре?

— Нет.

— Кто сообщит?

— Я. Он владелец второго пакета и вправе решить, передавать ли его.

— Письменно. Без обсуждения существа проверки вне утвержденного канала.

— Разумеется.

Ольга Петровна отложила карандаш.

— Лидия, сейчас я задам личный вопрос, потому что он влияет на работу. Вы хотите доказать, что ваш развод был ошибкой?

— Я хочу установить, на что потратили деньги компании.

— Это профессиональный ответ.

— Другого у меня пока нет.

Она приняла это без улыбки.

— Тогда не торопитесь его придумывать. Подготовьте за-

писку и проект сообщения Савинову.

Я вернулась за стол в десять двадцать. Анна подняла голову, но ничего не спросила. В почте уже лежали акты по двум платежам «Монолит-Ресурсу». Можно было погрузиться в привычную работу и отложить письмо Артему до вечера. Именно так я обычно обращалась с неприятными решениями: сначала выполняла все, что можно измерить, и только потом открывала то, что не помещалось в таблицу.

Я создала новое письмо.

«Артем Викторович, в рамках проверки расходов АО «Северная линия» выявлена курьерская отправка от 26 мая прошлого года на Ваше имя. Отправление оплачено по договору с ООО «Гарант-Контроль». Есть основания полагать, что оно может быть связано с материалами, о которых Вы сообщали при расторжении брака. Прошу подтвердить получение и сообщить, готовы ли Вы передать материалы для независимой проверки. До согласования процедуры прошу не направлять оригиналы и копии электронной почтой».

Я перечитала текст. В нем не было ни одного лишнего слова и ни одного ответа на вопрос, который занимал меня с утра.

В копию добавила Ольгу Петровну и юриста проекта. Нажала «Отправить».

Артем ответил через одиннадцать минут.

«Получение подтверждаю. Оригиналы сохранились. Передать готов после оформления акта. Для начала считаю

необходимым увидеть строку реестра и основания Вашего запроса. Личную встречу предлагаю провести вне офиса, содержание разговора зафиксировать письменно после согласования».

Он не спросил, как я себя чувствую. Не написал, что предупреждал меня. Не попытался превратить официальный запрос в продолжение нашего последнего разговора.

Под письмом стояла его должность и новый рабочий телефон. Прежний номер я удалила год назад, хотя помнила до сих пор.

Я переслала ответ Ольге Петровне с предложением встретиться на следующий день в кафе рядом с офисом «Северной линии», обсудить только порядок передачи и затем оформить протокол.

Разрешение пришло к обеду.

Оставшуюся часть дня я проверяла счета подрядчиков. Анна нашла совпадение директора «Монолит-Ресурса» с владельцем еще одной компании. Я составила два запроса, вернула ей таблицу с замечаниями и провела короткое совещание с юристом. Работа шла по плану. Только в половине седьмого, закрывая ноутбук, я поняла, что трижды проверила, не отменил ли Артем встречу.

Он не отменил.

В календаре стояло сорок минут. Год назад нам не хватило двух месяцев, чтобы поверить друг другу. Теперь у нас было сорок минут и две строки в корпоративном реестре.

Я решила не тратить их на старый спор.

ГЛАВА 2. Два пакета

Артем пришел на семь минут раньше и выбрал стол, откуда были видны вход и стойка. Раньше он всегда садился лицом к залу, потому что не любил, когда официант подходил со спины. Теперь уступил это место мне.

Я заметила перемену и сразу рассердилась на себя. Мы встретились не для того, чтобы искать доказательства его заботы.

На соседнем стуле стоял плотный серый кейс для документов. Я принесла свой пакет в непрозрачной папке и держала ее на коленях. Оригиналы не следовало раскладывать между кофейными чашками, но оставлять их дома после вчерашней находки я тоже не хотела.

— Добрый день, — сказал Артем.

— Добрый.

Мы не виделись с марта, когда подписывали последний акт по продаже квартиры. Тогда встреча заняла двенадцать минут. Риелтор говорил больше нас обоих.

Артем заказал черный чай. Я попросила воду. Официант повторил заказ и ушел, не дав нам повода обсуждать меню.

— Покажешь реестр? — спросил Артем.

Я достала рабочую копию с закрытыми соседними строками. На странице оставались номер накладной, дата, инициалы, адрес его офиса, код договора и сумма.

Он прочитал один раз, затем перевернул лист и проверил пометку о происхождении копии.

— Где строка на твой адрес?

— В материалах проверки. Я не имею права показывать тебе часть выборки без согласования.

— Но свою отправку ты с ней связала.

— По дате и адресу. Это рабочая гипотеза, отраженная в служебной записке.

— Ты сообщила о нашем браке?

— Сообщила при назначении. Вчера раскрыла дополнительный конфликт.

Он положил страницу на стол.

— Значит, Мальцев уже знает.

— Пока форму видели руководитель практики и юрист. Запрос в «Северную линию» не направляли.

— Там такие вещи долго не остаются внутри двух кабинетов.

— Поэтому нам нужно решить, передаем ли мы материалы и каким способом.

Официант принес воду и чай. Артем подождал, пока он отойдет.

— Ты все еще считаешь, что мой пакет был попыткой обвинить тебя в ответ?

— Вчера считала. Сегодня у меня недостаточно данных для такого вывода.

— Очень щедрая формулировка.

— Она точная.

— Вот этого мне не хватало весь последний год: чтобы ты признала мое существование недоказанным обвинением.

Я взяла стакан, но не отпила. Сарказм был понятен, а отвечать тем же не хотелось.

— Если мы продолжим в таком тоне, встреча закончится через пять минут.

— Я сохранил пакет, который помог разрушить мой брак. Принес его по первому официальному письму от бывшей жены и пока не услышал ни одного человеческого вопроса. Какой тон ты предлагаешь?

— Честный. Без требования немедленно поверить друг другу.

Артем посмотрел на папку у меня на коленях.

— Ты принесла свой?

— Да.

— Почему?

Я могла ответить, что так требует процедура. Это было бы удобно и наполовину верно.

— Потому что ты принес свой год назад, а я отказалась его увидеть. Больше я не хочу принимать решения по половине материалов.

Он убрал руку от чашки.

— Это человеческий ответ.

— Не привыкай.

Уголок его рта едва изменился. Раньше такая реплика

дала бы нам несколько секунд обычной жизни. Сейчас она только напостила, насколько легко мы узнаем ритм друга друга.

— Здесь открывать не будем, — сказал он.

— Согласна. Можно осмотреть упаковку без извлечения вложений. У тебя есть место, где нас не услышат?

— Переговорная в офисе занята, а дома я встречаться не предлагаю. В машине есть видеорегистратор, но салон он не записывает. Я поставил ее на подземной парковке.

— Подойдет для внешнего осмотра. Передавать будем в офисе аудиторов.

Мы допили чай и воду. Счет Артем попросил разделить до того, как я достала телефон. Это было разумно и почему-то неприятно.

На парковке пахло влажным бетоном и автомобильной резиной. Артем открыл заднюю дверь, снял с сиденья чистую рабочую куртку и положил ее в багажник. Мы сели сзади, оставив между собой кейс.

— Я его не вскрывал после медиации, — сказал он. — Но до этого содержимое перебирал несколько раз. Перчаток не было, порядок мог измениться.

— Мой пакет тоже не имеет чистой цепочки хранения. Это личные материалы, а не доказательства, полученные по процедуре. Специалист зафиксирует текущее состояние и будет искать подтверждения из независимых источников.

— Ты говоришь так, будто объясняешь стажеру.

— Я объясняю человеку, который может ждать от экспертизы невозможного.

— Я жду ответа на один вопрос.

— Я не писала письмо, где обещала сделать тебя виновным.

— Это утверждение, Лида. Вопрос был: кто написал?

Я промолчала. Он был прав, и это не давало ему права на торжество. Артем торжества не проявил.

Мы начали с упаковки. Его конверт был из плотной белой бумаги без обратного адреса. На лицевой стороне напечатаны имя, должность и рабочий адрес. Мой выглядел так же, только его доставили домой и указали фамилию Савинова, которую я тогда носила.

— Накладная была приклеена снаружи? — спросила я.

— В прозрачном кармане. Курьер забрал его после подписи в приложении. Я не сохранил номер.

— У меня так же.

Я сфотографировала конверты рядом с линейкой из набора, который принесла, и положила их отдельно. Затем мы составили перечень без чтения содержания вслух.

В моем пакете находились:

— восемь фотографий Артема у дома на Васильевском острове;

— распечатка переписки с контактом «Вера»;

— копия платежного поручения за аренду квартиры;

— записка из одной строки: «Спросите мужа, почему со-

вещания проходят здесь».

В его пакете:

— четыре страницы письма от моего имени Константину Миронову;

— расшифровка аудиозаписи;

— флеш-накопитель с самой записью;

— копия внутренней таблицы платежей;

— записка: «Она уже выбрала, кого сделает виновным».

— Таблица была в рабочем архиве? — спросила я.

— Да. Доступ имели финансы, внутренний контроль, руководство проекта и служба безопасности после начала проверки утечки.

— Фотографии делали в рабочие дни. Тот, кто готовил мой пакет, знал твой график.

— Или следил достаточно долго.

Я открыла копию переписки на первой странице. Читать дальше не стала. В верхней части стояла дата — шестнадцатое мая. В тот вечер Артем написал мне, что останется на совещании по «Речному створу».

— У вас было совещание шестнадцатого?

— Было. С восемнадцати до девятнадцати сорока. После него я поехал к Свете.

Он впервые назвал имя женщины, которая могла быть связана с квартирой. Я медленно положила лист поверх остальных.

— К твоей сестре?

— Да.

— Светлана жила на Комендантском.

— До апреля. Потом сняла квартиру на Васильевском.

— Почему?

— Это ее история. Я должен спросить, что могу тебе рассказать.

Год назад такой ответ подтвердил бы для меня худшее. Сейчас перед нами лежали два конверта, оплаченные по одному корпоративному договору. Артем не просил поверить ему и не называл Светлану оправданием.

— Спроси, — сказала я. — Без ее согласия мы не используем сведения.

Он достал телефон, но не разблокировал.

— Сейчас?

— После встречи. Не ставь ее перед необходимостью отвечать немедленно.

— Хорошо.

Я перешла к его материалам. На распечатке письма стоял логотип «Северной линии» и мое прежнее рабочее имя. Текст начинался с обращения к Константину и перечислял платежи «Монолит-Ресурсу». Первые два абзаца были похожи на мои формулировки. В третьем появлялась фраза: «Подписи Артема достаточно, чтобы возложить на него техническую часть ответственности. После передачи материалов я приму предложение в Москве и уеду».

Я прочитала ее дважды.

— Я писала Миронову о платежах, — сказала я. — Упоминала твои подписи. Предложения в Москве не было.

— Ты передала ему копии?

— Да.

Артем отвернулся к окну. По парковке медленно проехала машина, фары на секунду осветили салон.

— На медиации ты отказалась отвечать.

— Я была связана обещанием конфиденциальности.

— Можно было сказать, что ты не обвиняла меня.

— Я сказала.

— После того как признала передачу документов и отказалась показать письмо.

— А ты сказал, что никогда не бывал возле квартиры, хотя сейчас называешь точную дату.

Он снова посмотрел на меня.

— Поэтому пакеты сработали.

В его голосе не было примирения. Он назвал общий итог, и мне нечего было возразить.

Я взяла опись и отметила сведения, которые могли происходить только из компании: внутренняя таблица платежей, мой рабочий адрес, график совещаний, фамилия консультанта из переписки, должность Артема. Фотографии и аренда требовали наблюдения вне офиса. Подготовка двух пакетов объединяла доступ, время и деньги.

— Отправления оплатили по договору «Гарант-Контроля», — сказала я. — Эта фирма проверяла утечки и имела

доступ к части почтового архива. Если подтвердится номер накладной, связь будет прямой хотя бы на уровне доставки.

— Гладков часто работал через Мальцева.

— Это объясняет полномочия, но не доказывает заказ конкретных материалов.

— Ты всегда добавляешь это после фамилии подозреваемого?

— Если хочу, чтобы вывод пережил первую встречу с юристом.

— Значит, часто.

На этот раз мы оба улыбнулись. Улыбка быстро исчезла, оставив растерянность вместо облегчения. Наш старый язык сохранился лучше доверия.

Я сложила материалы обратно.

— Завтра в десять специалист примет пакеты по акту. Сможешь приехать?

— У меня выезд на объект в восемь. К десяти успею, если закончим осмотр по графику.

— Если не успеешь, перенесем. Не передавай через сотрудника.

— Я понимаю.

— И еще одно. До приема никому в «Северной линии» не говори, что мы сравнили содержимое.

— Это просьба или условие аудита?

— Условие сохранности материалов. В личной части я больше не устанавливаю тебе условий.

Артем застегнул кейс.

— Запиши это в протокол. Обе части.

— Личное в протокол не войдет.

— Тогда хотя бы запомни.

Мы вышли из машины. У лифта Артем остановился.

— Я напишу Светлане сегодня. Если согласится, предложу встречу в выходные.

— Спасибо.

— Не благодари раньше времени.

— Я благодарю за то, что ты спросишь ее, а не решишь сам.

Он задержал взгляд на моем лице, затем нажал кнопку вызова лифта.

— Этому замечанию год, — сказал он. — Жаль, что ты сформулировала его только сейчас.

— Жаль, что только сейчас ты готов услышать.

Двери открылись. Мы вошли вместе, но вышли на разных этажах: Артем поднялся в офис, я спустилась к выходу на улицу.

В такси я составила протокол встречи. Указала документы, источники известных сведений, согласие владельцев на передачу специалисту и ограничение дальнейшего обсуждения. В личной заметке, которая не попадала в рабочий архив, записала другое:

«Версия об измене больше не может считаться единственной. Артем назвал Светлану. Проверить с ее согласия. Соб-

ственная передача документов Миронову подтверждена и требует полного объяснения».

Я не написала, что верю Артему. Для веры было рано.

Но впервые за год я допустила, что он мог говорить правду о главном и лгать о том, что считал чужой тайной. Это не делало его невиновным передо мной. Зато меняло вопрос, с которым я пришла на встречу.

Теперь нужно было выяснить не только, кто оплатил два пакета.

Нужно было понять, кто знал нас достаточно хорошо, чтобы выбрать именно те факты, о которых мы не сумеем поговорить.

ГЛАВА 3. Правила совместной проверки

В четверг утром Артем опоздал на девять минут. Он предупредил заранее: осмотр на объекте затянулся из-за повторной проверки креплений. Я прочитала сообщение в переговорной, где Мария Лебедева готовила акт приема двух пакетов.

— Владелец второго комплекта задерживается? — спросила она.

— На девять минут.

— Тогда успеем обсудить границы.

Мария разложила на столе два чистых пакета, одноразовые перчатки и листы с перечнем материалов. Ей было тридцать девять, и выглядела она так, как обычно выглядят люди, которым часто приносят сенсацию в мятом конверте: спокойно.

— Я фиксирую состояние носителей, извлекаю доступные файлы, описываю признаки редактирования и при возможности устанавливаю исходный материал, — сказала она. — Я не определяю, кто заказал отправление, кто хотел разрушить ваш брак и кто из вас должен был кому поверить.

— Нас интересует происхождение документов, — ответила я.

— Вас как руководителя проверки — да. Вас как участника событий может интересовать больше. Поэтому я проговариваю это до приема.

— Справедливо.

— Есть оригиналы электронных сообщений?

— У меня нет, — сказала я. — Только распечатка. Письмо якобы отправлено с моего рабочего адреса, к которому я потеряла доступ после увольнения.

— Запрос к архиву согласован?

— Готовим.

— Банковские документы?

— Копия в пакете. Оригинал выписки запрошу как владелец счета.

Мария отметила это в перечне.

— От вас мне нужна версия без выводов. Когда получили, кто принес, где хранили, кто касался. Если не помните, так и пишем.

В дверь постучали, и Артем вошел с серым кейсом. На нем была рабочая куртка со светоотражающими полосами, ботинки он успел очистить, но на подошвах остался светлый песок.

— Прошу прощения, — сказал он. — Задержал подрядчик. Где подписать?

Мария не дала ему снять куртку, пока не объяснила правила заново. Артем слушал, не перебивая, затем прочитал акт целиком. Я поймала себя на том, что заранее знала, где

он остановится: пункт позволял специалисту создавать копии файлов, но не уточнял срок хранения.

— Что происходит с рабочими копиями после заключения? — спросил он.

— Шифруются и хранятся девяносто дней после закрытия задания, затем удаляются по акту, если юрист не установит другой срок.

— Добавьте в документ.

Мария вписала уточнение.

Я бы попросила о том же. Раньше сходство наших привычек казалось подтверждением совместимости. Теперь оно ничего не доказывало, кроме долгого опыта общей жизни.

Мы передали пакеты. Мария осмотрела конверты, сфотографировала повреждения, присвоила каждому номер и запечатала в новые прозрачные пакеты. Флеш-накопитель Артема лег в отдельный контейнер.

— Предварительная оценка займет три рабочих дня, — сказала она. — Если потребуется восстановление данных или запрос к внешнему источнику, срок увеличится.

— Можно понять, когда создали аудиофайл? — спросил Артем.

— Иногда. Дата в свойствах легко меняется, поэтому сама по себе ценности почти не имеет. Полезнее найти исходную запись и сравнить монтажные стыки.

— У «Северной линии» записывали совещания?

— Только встречи с удаленными участниками, — ответи-

ла я. — Архив хранился на корпоративном сервере.

— Тогда начнем с перечня совещаний, — сказала Мария.
— После официального запроса.

Артем расписался в акте и ушел переодеваться перед встречей на объекте. Я задержалась, чтобы передать Марии служебную записку и письменное ограничение: личные выводы не включать в основной аудит до подтверждения связи с корпоративным договором.

— Вы хорошо умеете ставить ограничения, — заметила она.

— Это часть работы.

— Умение снять ненужное ограничение тоже часть работы.

— К какому именно вы ведете?

— Ни к какому. Я эксперт по файлам, а не по бракам.

Она сказала это тем же тоном, каким несколькими минутах раньше перечисляла сроки хранения. Я поняла, что попалась на собственную готовность искать второй смысл.

К одиннадцати мы приехали на «Речной створ». Банк прислал юриста и инженера по рискам, от «Северной линии» участвовали Мальцев, Елена Зорина и Артем. Я взяла с собой Анну: ей предстояло фиксировать документы и вопросы, пока я осматривала процесс на месте.

У проходной нам выдали каски и жилеты. Артем проверил, правильно ли Анна застегнула ремешок, затем спросил разрешения осмотреть ее обувь. Она была в новых ботинках

с защитным носком, купленных за счет компании.

— Подойдут, — сказал он. — Не отходите от группы и смотрите под ноги. На третьем этаже временное ограждение.

— Я читала инструктаж.

— Отлично. Тогда знаете, почему я повторяю.

Анна смутилась, но спорить не стала.

Мальцев появился последним. На площадку он надел темное пальто и чистую белую каску, которую держал в руке до замечания инженера банка.

— Коллеги, предлагаю не превращать плановый осмотр в экспедицию, — сказал он. — Все необходимые материалы мы уже передали.

— Не все, — ответила я. — В выгрузке отсутствуют ранние приложения к актам приемки за апрель и май прошлого года.

— Потому что действующей является финальная версия.

— Для проверки изменений нужны предыдущие.

— Если они существовали.

Артем надел каску и закрепил планшет в чехле.

— Существовали. В первой версии были замечания по партии крепежа и повторным испытаниям.

Мальцев повернулся к нему.

— Вы уверены? Прошел почти год.

— Я составлял замечания.

— А подписали итоговый акт без них.

— Я подписал основной лист после уведомления, что при-

ложение заменят по результатам испытаний. Какую версию подшили позднее, сейчас и выясняем.

До развода Артем не говорил мне этого так прямо. Возможно, тогда он еще не понимал масштаба подмены. Возможно, молчал по той же причине, по которой я вынесла документы наружу: каждый считал себя единственным человеком, способным определить безопасный момент для правды.

Мы поднялись на третий этаж. В двух квартирах после сильного дождя появилась вода возле оконных блоков. Повреждения были неприятными и дорогими, но не угрожали людям. Основной спор касался причины: ошибки монтажа, качества материалов или нарушения хранения на площадке.

Артем показал один из демонтированных элементов и объяснил, где должно находиться заводское клеймо. На детали его не было.

— Это доказывает замену? — спросил инженер банка.

— Нет. Клеймо могло стереться при демонтаже. Нужна лаборатория и сопоставление с документами партии.

Он ответил без попытки превратить сомнение в уверенность. Именно за это я когда-то начала ему доверять.

Мальцев стоял рядом и листал сообщения в телефоне.

— Мы уже заказали повторную экспертизу, — сказал он.
— Через две недели все будет ясно. Не вижу причин расширять финансовую проверку.

— Платежи за материалы относятся к предмету задания,
— напомнила я.

— Я говорю о расходах службы безопасности.

Анна, записывавшая ответы, подняла голову. Я не успела сообщить заказчику о двух отправлениях. Мальцев мог узнать о них из внутреннего реестра, если запросил журнал после нашей выгрузки. Однако он назвал направление раньше официального вопроса.

— Почему вы связываете службу безопасности с этой проверкой? — спросила я.

Он убрал телефон.

— Вчера ваш юрист запросил полный договор с «Гарант-Контролем» и приложения. Такие запросы редко делаются из любопытства.

— Договор попал в выборку консультантов.

— И случайно напомнил вам о семейной драме?

На площадке стало тише. Рабочие продолжали заниматься своим делом в соседнем помещении, но представители банка слышали каждое слово.

— Мои личные отношения раскрыты заказчику, — сказала я. — Если у вас есть возражение против состава команды, направьте его официально.

— Уже готовим. Бывшая супруга технического директора не должна расследовать его подписи.

— Я расследую платежи. Технические выводы проверяет специалист банка.

— А личные посылки кто проверяет?

Артем сделал шаг вперед, но я подняла ладонь. Не для то-

го, чтобы заставить его молчать; я попросила дать мне ответить самой.

— До подтверждения связи с корпоративными расходами личные материалы находятся в отдельном контуре. Вы узнали о них от Гладкова или из другого источника?

Мальцев усмехнулся.

— В компании год обсуждали ваш развод. Не приписывайте мне уникальные знания.

— Я ничего вам не приписываю. Вопрос будет внесен в протокол.

Он посмотрел на Анну. Та продолжала записывать.

— Вносите. И заодно отметьте, что я защищаю интересы компании от предвзятой проверки.

Осмотр продолжился, но прежней деловой ровности уже не было. Мальцев отвечал через юриста, Артем ограничивался техническими пояснениями, а я следила, чтобы ни один вопрос не вышел за согласованный предмет. В половине второго банк завершил встречу.

На улице Анна сняла каску и провела рукой по примятым волосам.

— Он специально сказал про развод при всех?

— У него была цель поставить под сомнение нашу независимость.

— Получилось?

— Это решит заказчик после письменного возражения.

— Я не о заказчике.

Я посмотрела на нее.

— Тогда о чем?

— Вы стали осторожнее задавать вопросы. Обычно после такого ответа вы просите назвать источник сразу.

Анна была наблюдательнее, чем я учитывала. На совещании я действительно отказалась давить дальше: боялась, что личная злость будет заметна всем.

— Осторожность здесь полезна, — сказала я. — Но в протоколе отметьте точную последовательность. Он заговорил о безопасности до того, как мы назвали отправления.

— Уже отметила.

Артем догнал нас у проходной.

— Лидия, на минуту.

Анна отошла к машине банка, где ее ждал инженер.

— Я не просила вмешиваться, — сказала я.

— И не вмешался.

— Ты собирался.

— Собирался уточнить, что Мальцев давил на меня из-за ранней версии акта еще до нашего развода.

— Почему не сказал?

— Потому что ты подняла руку.

В этой простой фразе оказалось больше, чем в любом обещании измениться. Он увидел границу и остановился.

— Направь пояснение через юриста, — сказала я. — С датами и без выводов о его мотиве.

— Сегодня до вечера.

— Светлана ответила?

— Согласна встретиться в субботу у себя. Просила не приводить никого, кроме тебя.

— Я приеду одна?

— Нет. Она хочет, чтобы я тоже был. Но разговор начнет сама.

— Хорошо.

Артем открыл рот, затем передумал говорить. Я не стала угадывать.

— Что?

— Ты на объекте не обедала.

— Это не относится к проверке.

— К проверке относится твоя способность не ошибиться вечером.

— Я поем в офисе.

— Я не предлагаю тебя кормить. Просто напомнил.

Он ушел к своей машине. Я осталась возле проходной и поняла, что снова хочу сердиться. Не потому, что он контролировал меня. На этот раз он ограничился фактом и позволил мне решить самой.

Изменение было небольшим. Я бы не включила его ни в один отчет.

Но заметила.

ГЛАВА 4. Женщина на фотографии

Светлана открыла дверь в домашних брюках и длинной футболке, на которой фломастером было выведено: «Мама, не стирать». Ниже Варя нарисовала семь неровных звезд.

— Она решила, что надпись защитит рисунок, — пояснила Светлана, заметив мой взгляд. — Пока работает.

Год назад мы общались через Артема. На семейных праздниках Светлана садилась рядом со мной, просила помочь выбрать подарок брату и отправляла фотографии Вари с занятий. После нашего разъезда она написала один раз: спросила, можно ли забрать детские книги, которые племянница оставила у нас. Я передала коробку через курьера и больше не пыталась поддерживать связь.

Теперь Светлана отступила, пропуская меня в квартиру. — Варя у папы, — сказала она. — Вернется вечером. Я не хочу обсуждать это при ней.

Артем стоял у окна в комнате. На журнальном столике лежали договор аренды, распечатанные фотографии и телефон. Он приехал раньше, но не снял часы и не расслабил ворот рубашки. Я знала эти признаки его готовности уйти в любую минуту.

— Чай будете? — спросила Светлана.

— Я помогу, — сказал Артем.

— Сиди. Ты уже помог достаточно.

Он принял резкость без ответа.

Я прошла за Светланой на кухню.

— Если вы передумали, мы остановимся, — сказала я. —

Мне нужно подтверждение происхождения фотографий, но вы не обязаны рассказывать больше, чем считаете безопасным.

— Артем теперь сначала спрашивает разрешение?

— Сегодня спросил.

Она достала три чашки, затем вернула одну в шкаф.

— Я не буду пить. Руки заняты.

Чайник уже был горячим. Светлана заварила чай для нас и поставила на стол сахарницу. Движения у нее были быстрые, привычные. Только ложку она дважды положила мимо блюда.

— Я попросила его никому не говорить адрес, — сказала она. — Особенно семье. Витя проверял мой телефон, знал пароли от почты и мог позвонить маме, если я не отвечала. Я хотела сначала вывезти документы и вещи Вари, потом сообщить, что мы уехали.

— У вас была помощь специалиста или юриста?

— Была консультация. И подруга знала. Артем снял квартиру на свое имя, потому что хозяин не хотел сдавать женщине с ребенком без официальной работы. Я тогда ушла из школы на две недели.

— Почему на свое имя? — спросила я, хотя понимала ответ.

— Чтобы Витя не нашел договор среди моих документов. Деньги я потом вернула.

Она произносила факты без подробностей, которые могли бы превратить ее опыт в объяснение чужого брака. Я не спрашивала, что именно делал бывший муж. Для происхождения пакета это не требовалось.

— Когда Артем приезжал сюда?

— С конца апреля до середины июня. Привозил вещи, менял замок, забирал Варю из школы. Иногда оставался, пока я возвращалась с собеседований.

— Шестнадцатого мая был?

Светлана разблокировала телефон и открыла переписку с братом.

— Вот. В шесть сорок две он написал, что совещание задерживается. В восемь двенадцать — что подъехал. Я попросила купить молоко и папку для документов.

Она протянула телефон мне, но удержала его в своей руке. Я прочитала сообщения с экрана и записала даты в блокнот.

Фраза «не задерживайся, я одна» в поддельной переписке принадлежала Светлане. Следом она объясняла: «Варя у подруги, а Витя снова звонил маме». В моем пакете оставили только первые пять слов.

— Контакт назывался «Света», — сказала я. — В распечатке стояло «Вера».

— Одну букву заменить проще, чем придумать переписку, — ответила она.

Артем вошел на кухню, но остановился у двери.

— Можно?

Светлана кивнула.

Он сел напротив меня. Теперь между нами находился обычный кухонный стол, а не переговорная или закрытая папка. Я смотрела на его руки и вспоминала, как держала распечатку год назад, пока он повторял, что ничего не знает об этой квартире.

— Ты был здесь шестнадцатого мая, — сказала я.

— Был.

— И двадцать первого.

— Да.

— Я спрашивала про обе даты.

— Я помню.

— Ты ответил, что никогда не входил в этот дом.

— Ответил.

Светлана отвела чашку от края стола.

— Это я попросила его, Лида. Сказала, что если хоть кто-то узнает, Витя доберется до адреса.

— Я не собираюсь обвинять вас. Но Артем мог сказать, что помогает близкому человеку и пока не имеет права называть адрес. Он выбрал прямую ложь.

— Если бы он сказал про близкого человека, ты бы поняла, что это я.

— Возможно. Тогда он мог попросить вашего разрешения дать мне ограниченное объяснение. Или сказать вам, что не будет лгать жене. У него были варианты.

Артем не перебивал.

— Были, — сказал он, когда я закончила. — Я выбрал худший.

— Почему?

— Ты уже получила фотографии. Я решил, что любое упоминание Светы заставит тебя искать ее и втянет в конфликт. Потом ты показала переписку, и я понял, что кто-то имел доступ к сообщениям. Я испугался, что Витя тоже мог их получить.

— Ты проверил это?

— Попросил службу безопасности посмотреть рабочий телефон. Они сказали, что признаков доступа нет.

— Какую службу?

— «Гарант-Контроль». Компания тогда как раз проверяла утечку.

Я записала ответ.

— Кто принял обращение?

— Гладков. Через Мальцева.

Артем сообщил людям, которые могли готовить пакет, что именно его напугало. Он не мог знать этого тогда. Но тот, кто контролировал проверку, получил подтверждение: фотографии достигли цели, а переписка кажется убедительной.

— Сохранилось заключение по телефону? — спросила я.

— Короткая служебная записка. Должна быть в архиве безопасности.

— Запросим официально.

Светлана положила ладони на стол.

— Подождите. Вы сейчас говорите, что люди из его компании следили за мной?

— Мы знаем только, что договор использовали для оплаты доставок, — сказала я. — Происхождение фотографий пока не установлено. Мне нужно ваше согласие на копирование переписки и договора аренды. Копии будут храниться в ограниченной папке, доступ — у специалиста и юриста.

— А Витя увидит?

— Без необходимости его имя в рабочем отчете не появится. Если материалы передадут в официальное расследование, порядок раскрытия обсудит юрист. Я не могу обещать полную тайну независимо от обстоятельств.

Она несколько секунд смотрела на Артема, затем на меня.

— Раньше ты бы сказала, что все будет конфиденциально.

— Раньше я слишком часто обещала результат, который зависел не только от меня.

Светлана встала, принесла из комнаты договор и положила передо мной.

— Копируйте. Адрес Витя давно знает, мы официально развелись. Но про Варю пишите только то, без чего нельзя.

— Так и сделаем.

Мы оформили согласие простыми словами: какие доку-

менты Светлана передает, для какой проверки, кому разрешает их видеть. Я сфотографировала только нужные страницы переписки. В договоре арендатором значился Артем, плательщиком тоже он. Срок начинался двадцать четвертого апреля.

Фотографии из моего пакета были сделаны во дворе и у подъезда. На двух кадрах рядом с Артемом виднелась женщина: темные волосы собраны, лицо закрыто капюшоном и углом съемки. Рост и фигура совпадали со Светланой, но по этому признаку установить личность было нельзя. Зато на ее телефоне сохранилась фотография того же дня: Артем держал коробку с книгами, а Варя показывала из окна лист с нарисованным котом. Время съемки совпадало с одним из кадров пакета с разницей в три минуты.

— Эту фотографию можно передать? — спросила я.

— Если лицо Вари закроете.

— Закроем в рабочей копии. Оригинал останется у вас и при необходимости будет предоставлен специалисту лично.

Артем наблюдал, как я записываю условия.

— Что? — спросила я.

— Ничего.

— Ты хотел сказать.

— Я думал, ты посмотришь на фотографии и сразу спросишь, почему я не показал их год назад.

— Почему не показал?

— Света не разрешала.

— Вот и ответ. Он мне не нравится, но я его получила.

Светлана тяжело поставила локти на стол.

— Вы умеете разговаривать так, что даже чай кажется участником служебной проверки.

Я посмотрела на свою чашку. Чай давно остыл, потому что я не сделала ни глотка.

— Это моя плохая привычка.

— У Артема другая. Он сначала всех спасает, потом общает, сколько это стоило.

— Света, — произнес он.

— Что? Ты поэтому ипотеку взял больше, чем собирался? Чтобы мне помогать и никому не говорить?

— Это не относится к Лиде.

— Она уже знает о квартире, деньгах и разводе. Поздно охранять остатки декораций.

Я закрыла блокнот.

— Финансы Светланы не относятся к проверке. Если платеж за аренду был изменен в моем пакете, понадобится только оригинальное назначение.

— Я принесу выписку сам, — сказал Артем.

— По своему счету имеешь право. Передай через акт.

Он согласился.

Перед уходом Светлана проводила меня в прихожую. Артем остался на кухне собирать документы.

— Ты ему веришь? — спросила она тихо.

— В том, что женщины в квартире не было, кроме вас и

Вари, — да. Это подтверждается не только его словами.

— Я не об этом.

— Тогда пока не знаю.

Светлана поправила край футболки.

— Я сердилась на тебя после развода. Думала, если бы ты подождала еще немного, я бы разрешила ему рассказать.

— Сколько?

— Не знаю.

— Вот поэтому ожидание не могло быть решением.

Она кивнула.

— Сейчас понимаю. Тогда мне казалось, что весь мир обязан подождать, пока я перестану бояться.

— Вы имели право на страх. Артем имел право отказаться лгать. Я имела право знать достаточно, чтобы не считать мужа изменником. Эти права столкнулись, а кто-то использовал столкновение.

— Ты всегда так раскладываешь людей по пунктам?

— Когда иначе слишком больно.

Это признание вышло раньше, чем я успела заменить его аккуратной формулировкой.

Светлана открыла дверь.

— Тогда, может быть, сегодня не раскладывай.

На лестничной площадке я задержалась у окна. Артем вышел через минуту с папкой под мышкой.

— Я отвезу выписку в понедельник, — сказал он.

— Хорошо.

— Тебя подвезти?

— Я на метро.

Он не повторил предложение.

Мы спустились вместе и разошлись у выхода. До станции было девять минут пешком. Я шла медленно, перечитывая в памяти фразы из поддельной переписки и их настоящий контекст.

Артем не изменял мне.

Этот вывод должен был принести облегчение. Вместо него я почувствовала гнев, которому не могла сразу выбрать адрес. На человека, вырезавшего слова Светланы. На Артема, подтвердившего подделку своей ложью. На себя, потому что я согласилась считать распечатку достаточным доказательством именно там, где больше всего боялась проверять.

У входа в метро я открыла рабочие заметки и добавила два запроса: служебная записка по осмотру телефона и оригинал платежа за аренду.

Потом создала личную запись:

«Измены не было. Это не означает, что доверие было».

Я не стала добавлять ничего больше. Впервые точной фразы оказалось достаточно.

ГЛАВА 5. Письмо, которое я не показала

Константин Миронов назначил встречу на девять утра в понедельник и заранее предупредил, что не передаст ни одного документа без согласия источника. В письме он дважды подчеркнул слово «источник», хотя я сама просила его соблюдать конфиденциальность год назад.

Его офис располагался в бывшем доходном доме, где лифт останавливался между этажами. Я поднялась по короткому лестничному пролету и успела вспомнить наш первый разговор: тот же коридор, темная деревянная дверь, помощница с красной папкой. Тогда я пришла после работы, держала в сумке копии платежей и не сказала Артему, куда еду.

Константин встретил меня в кабинете. Он почти не изменился: темный костюм без галстука, короткая стрижка, очки в тонкой оправе. На столе лежал мой официальный запрос.

— Доброе утро, Лидия Андреевна.

— Доброе.

— Ваш бывший супруг участвует в проверке?

— Как технический директор проверяемой компании. Его личные материалы переданы специалисту добровольно.

— Он знает, что вы пришли ко мне?

— Знает цель встречи. Содержания нашей прежней пере-

писки я ему не раскрывала.

— Потому что связаны обещанием?

— Отчасти. Еще потому, что год назад использовала это обещание, чтобы не отвечать на его вопросы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.